

ПОДВЕДЕННЫ и были опубликованы в нашей газете (№ 4 от 9 января 1971 г.) итоги Всесоюзного конкурса на лучшие драматические спектакли в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Список произведений сцены, награжденных дипломами и почетными грамотами, достаточно велик, и это — еще одно свидетельство неистощимой силы нашего советского театра, его поистине неизмеримых творческих возможностей.

Со многими из спектаклей, отмеченных жюри конкурса, такими, как «Человек с ружьем» (Театр им. Евг. Вахтангова), «Признание» (Малый театр), «Память сердца» (Театр имени И. Франко), и рядом других наша газета уже знакомила читателей.

Сегодня мы публикуем материалы о тех спектаклях из числа награжденных, о которых мы еще не успели рассказать на страницах газеты, но которые представляют большой художественный интерес и пользуются неизменным успехом у зрителей.

НОВЫЙ отряд художников сцены вошел в театральную Лениниану в знаменательный год ленинского юбилея, чтобы продолжить и приумножить начатое тридцать с лишним лет назад драматургами Н. Погодиным и А. Корнейчуком, актерами Б. Щукиным и М. Штраухом. Можно смело сказать, что в истории театра не было дела благороднее и труднее, чем создание сценического образа

речь о манере Ульянова, о стилистике его игры, то уместным будет вспомнить выражение Вл. Немировича-Данченко: «мужественный реализм». Он правдив, но правда его отнюдь не мелкая, не частная, она не правденка, эта бескомпромиссная, жесткая правда, ничем не приукрашенная, мужественная, укрепляющая силы человеческие. С этой правдой он и входит в образ В. И. Ленина.

ТВОРЦЫ ЛЕНИНИАНЫ

В. И. Ленина.

Как ни парадоксально, но задача, вероятно, осложнена тем, что ее решение началось с пика, с вершины, на которую взойшел Борис Щукин, и хотя рядом с ним и после него было немало замечательных художников Ленинианы, до сих пор мы овладеваем этой вершиной. Образ, созданный Б. Щукиным, остается эталоном; линия преемственности, идущая через годы, оплодотворяющая всех последующих мастеров, определяется нами как щукинская традиция.

Удивительнейшее слияние простоты и величия, человеческой доступности и гигантских масштабов гения определяет уникальность, неповторимость ленинской личности. Мы много спорим о герое, впадая из одной крайности в другую, сменяя один стандарт другим, пытаемся определить предел его нравственности. Но, когда искусство входит в Лениниану, споры вокруг идеального, «положительно прекрасного человека» разбиваются, как озерные волны об утес-великан. И в самом деле, здесь уже не стоит вопрос о мере добродетелей, о паритете плюсов и минусов, а проблема многоплановости образа приобретает истинный смысл как проблема разносторонности личности. Борьба противоположностей, естественная и неизбежная как форма развития всего сущего, выступает здесь в виде взаимосвязи личности со средой, которая ставит личность перед выбором единственно правильного решения задачи. Именно этот момент, а не внутреннее противоборство достоинств и недостатков, положительного и отрицательного определяет, на мой взгляд, истинную сущность образа положительного героя.

В идеальной норме это воплощено в личности Владимира Ильича Ленина. Но частично в той или иной мере оно присуще и тем героям из нашей среды — им им легион, — которые достойны называться ленинцами.

МЕРЯЯ «по-щукински» каждого нового исполнителя, мы с особым вниманием подходим к артисту, воплощающему образ В. И. Ленина на той самой сцене, где его впервые создал Б. В. Щукин. В новой постановке вахтанговского театра «Человек с ружьем» (режиссер Е. Симонов) впервые в образе Ленина вышел Михаил Ульянов. Один из лучших представителей последующего поколения актеров театра и кино, он создал в искусстве немало достойного высшей оценки. Сила Ульянова как актера прежде всего в том, что он сам личность, человек приметный в народе и органически воспроизводящий его, народа, приметные черты. Поэтому и его герои неординарны — на них лежит ответ современного поколения советских людей, обогащенных трудным историческим опытом, и отпечаток личности актера, соратника этого поколения. Если гово-

реть о манере Ульянова, о стилистике его игры, то уместным будет вспомнить выражение Вл. Немировича-Данченко: «мужественный реализм». Он правдив, но правда его отнюдь не мелкая, не частная, она не правденка, эта бескомпромиссная, жесткая правда, ничем не приукрашенная, мужественная, укрепляющая силы человеческие. С этой правдой он и входит в образ В. И. Ленина.

Уже с первого появления в Смольном в ульяновском создании ощущается щукинская монументальность, цельность натуры. Когда «с того конца коридорчика бочком пошел незаметный Ленин», затем «становился и глаз, сощурия, вонзал, заложивши руки за спину» и «в какого-то парня в обмотках, лохматого, уставил без промаха бьющий глаз», парень этот, окопник Шадрин, почувствовал не то, что остановленный им человек необыкновенно важен, а что необычайно важно остаться с этим человеком, отвечать на его вопросы, побеседовать по душам. Еще через минуту Шадрин ощущает, что этот человек «как будто сердце с-под слов выматывал, как будто душу тащил из-под фраз», но в первое мгновение он остановлен покоряющей человечностью, внимательностью и серьезностью разговора на равных.

Говорят, что необыкновенный человек отличается тем, что видит в другом, обыкновенном, нечто необыкновенное. На мой взгляд, именно в этом отыскивает М. Ульянов «зерно» образа с первого выхода на сцену. И в дальнейшем он стремится показать, как в поисках этого «необыкновенного» входит Ленин в мир другого человека и остается навсегда в нем живой силой, побудителем революционного действия. Это ощущается не только во встрече с Шадриным, но и в диалоге с вновь назначенным «наркомом по топливу».

Ленинская необыкновенность, громадность личности особенно сильно и смело раскрывается артистом в труднейшей, необычайно длительной паузе, завершающей сцены в Смольном. Ленин сидит, глубоко ушедший в себя, как бы отрешившийся от повседневности. Ни малейшего движения, взгляд, устремленный вдаль; но мы отчетливо видим, как «взвешивается мир» в этом потрясающе необыкновенном человеке, как в ответе только что происшедших событий и встреч рождаются мысли о грядущем.

Мы ясно воспринимаем посланную актером в зрительный зал эмоциональную «информацию» о непомерной тяжести забот и задач сущего и тревоги за будущее.

Большая работа! Отличное начало пути артиста в сценической Лениниане. Жаль только, что в «Человеке с ружьем» так мало ленинских сцен.

С СОЖАЛЕНИЕМ расстаешься и с другим интересным исполнителем, с Юрием Каюровым, хотя в спектакле «Признание» Московского Малого театра (постановка Р. Каплана) ему отведено несколько большее место. Однако большее по времени, не по тематике, которая здесь не столь разносторонняя. Здесь одна сфера — дипломатическая, одна цель, хоть исторически масштабная, но все

же одна: добиться признания молодого Советского государства со стороны враждебно настроенных иностранных держав.

Отсюда и встречи с людьми одного круга, с дипломатами — своими, в том числе и с теми из своих, которых еще нужно привлечь к новой власти, и с чужими, иностранными. Трудности здесь особые — одноплановость сферы не должна повредить многоплановости личности. И Ю. Каюров решает эту задачу смело и художественно. Он создает образ непривычный, но при всем том в каюровском портрете, в мимике, в жесте, в интонации есть подлинно ленинское, неотразимо воздействующее на восприятие зрителя.

В игре Каюрова обнаруживаются различные элементы ленинской личности: мудрость, духовность, человечность, добрый и оплодотворяющий интерес к людям, действенность, масштабность замыслов и осуществлений. Но все это проявлено в еди-

ном ракурсе, в воспроизведении ленинской игры ума, поражающей, потрясающей своими неожиданными и всегда мощными «взрывами», поворотами, открытиями, выражающейся в характерном ленинском прищуре глаз, мудрой иронии, молнией пробегающей во взоре, в складке губ и, конечно же, в речевой гамме.

КАК и Каюрову, досталось идти по непроторенной драматургической дорожке киевскому артисту Ю. Мажуге. Он сыграл в новой пьесе «Есть такая партия!» И. Рачады (постановка Б. Эрина), впервые выйдя на сцену в образе В. И. Ленина. И сыграл удачно, хотя были дополнительные трудности. Пьеса вводит в новую для искусства сферу ленинской деятельности — в круг военных проблем, в среду военспецов старой формации.

Роль начинается с высокой ноты. Появление Ленина с возгласом «Есть такая партия!», хотя само по себе производит сильное впечатление, возбуждая зрителя, помимо непосредственного отклика, историко-политические ассоциации, требует от актера мгновенного энергического «взрыва». Не менее трудно в ином аспекте раскрыть многоплановость образа в атмосфере едва сдерживаемой неприязни — настороженности одних, ненависти других, с которой встречаются Ленина старые генштабисты. Здесь актеру надо показать, как тверд и непримирим Ильич, но одновременно и как он деликатен, интеллигентен, чуток к колебаниям индивидуальной и коллективной психики, к расстройству в среде, которую он направляет в нужную революционной сторону. Эту сцену, как и первое явление, Мажуга проводит с глубоким ощущением идейного смысла и художественной задачи, приобретает доверие зрителя на все дальнейшее действие.

С ИСПОЛНИТЕЛЕМ роли В. И. Ленина артистом Н. Провоторовым я встречаюсь не в первый раз. Запомнилась его давняя и очень хорошая работа в казанской постановке «Третьей патетической». Сейчас он вышел на сцену в композиции по трилогии Н. Погодина, поставленной в Краснодарском краевом театре режиссером М. Куликовским. По протяженности роли, составленной из эпизодов «Человека с ружьем», «Кремлевских курантов», «Третьей патетической», — это наиболее емкая актерская задача.

Провоторов живет в роли легко и подвижно, играя как бы в озарении, в восторге перед Ильичем, наслаждаясь тем, что ему посчастливилось войти в этот образ. Отсюда тональность игры, акцент на таких чертах ленинской личности, как духовность, эмоциональность, увлеченность революционной борьбой, великая способность сливаться с народом и в радости, и в горе, мечтать и

заражать все и всех вокруг революционной мечтой. Актер играет сообразно содержанию той или иной сцены, но во всем ищет оптимистическую тему, непреодолимости революционного движения вперед. И потому реакция Ленина на все окружающее, его решения в самых сложных вопросах быстры и просветленны. Хотя есть опасность возникновения умиленности, подобная игра ведет к раскрытию ленинского вдохновения, его истоков — от внезапного проникновения в истину до революционного инстинкта, которому придавал огромное значение сам Ильич.

В иной тональности эта тема звучит в игре другого, на мой взгляд, очень интересного исполнителя роли В. И. Ленина — харьковского артиста Ю. Жбакова. Его имя не упомянуто в списке художников сценической Ленинианы, удостоенных специальной премии по юбилейному смотру. Но он несколько ранее, в том же 1970 году, получил премию Министрства культуры СССР за выдающиеся сценические достижения, в том числе за игру в спектаклях Харьковского русского театра имени А. С. Пушкина «Кремлевские куранты» и «Шестое июля» (постановки В. Ненашева).

Жбаков рисует портрет Ленина с той же основательностью и собранностью, с такой же плотностью и насыщенностью, как М. Ульянов. В исполнении Жбакова Ленин сосредоточен на мысли, мысль непрерывна и действительна, а действительность — его сфера; здесь быстрота реакции, мгновенный отклик на изменение ситуации, но не без процесса размышления, не без выбора единственного решения. Картина съезда Советов в «Шестом июля» благодаря Жбакову, с его внешней убедительностью, внутренней убежденностью и взятой в четкую форму страстной полемичностью выражает триумф ленинской идейности и революционности.

Взрыв гнева при известии о ярославском мятеже белых: «Сволочи! Сволочи!», и внешне спокойное, однако саркастическое умозаключение после ухода эсера Колосова; сконцентрированная и непрерывно действенная целеустремленность в трудном и сложном осуществлении плана разгрома эсеров и полная раскрепощенность мгновенной передышки, когда Ленин засыпает в кресле. И во всем благородная простота. Она особенно проявляется в сценах «Кремлевских курантов» при встречах с Забелиным в Кремле, во время приема иностранного писателя.

ТРИДЦАТЬ ТРИ года назад мы с надеждой, но и с тревогой ожидали премьеры «Человека с ружьем». Можно ли? Выйдет ли? Хотелось верить, что выйдет, знали, что надо, необходимо, ибо искусство давало отклик на требование народа. К сороковым годам в стране было около ста пятидесяти исполнителей роли В. И. Ленина, и «Правда» обоснованно тревожилась, не будет ли девальвирован на сцене великий и дорогой всем нам образ. Сейчас тревожит другое — драматургия, драматургическое воспроизведение образа Ильича. Ясно, что рождение, условно говоря, нового Щукина не может произойти без появления нового Погодина, в своеобразии, определяемом временем, и со смелостью, сопутствовавшей новаторству первооткрывателей.

Общими усилиями мы стремимся к тому, чтобы сценический образ В. И. Ленина выступал одновременно и как личность, воплотившая исторический процесс великого движения человечества к коммунизму, и как сама история, идеально воплощенная в личности, как дошедшая до мыслимого предела индивидуальность, и как концентрация в единичном и особенном того общего, что несет с собой содержание эпохи. К этому приближаются лучшие исполнители роли В. И. Ленина. За это им высоко благодарен народ. За это им высокие награды, особенно дорогие и памятные, в юбилейном ленинском году.